

the Polish bishops, or they are taken in accordance with its will. But Pius XI has proclaimed the reunion of Churches as the chief aim of his pontificate; he never misses an occasion to express by deed or word his attention and sympathy to the Orthodox East, and yet now he permits such actions to take place as will infinitely harm the work of peace between East and West. Let us give only a thought to it: if the Polish bishops win their cause, take possession of all the orthodox population, — the memory of this act will remain a shadow for centuries; if the law will refuse to satisfy their claims, they will find themselves in the awkward position of people who wanted to take something that did not belong to them and have failed.

Nevertheless, I address myself to the conscience of my Catholic brothers in Christ: do not go further, for it is never late for our conscience to correct an error. And I address myself to the Christian world, and especially to the brothers in Christ with whom we have met heart to heart in Lausanne and Stockholm, who have felt that we must seek the peace of Christ. This is also your work, the work of your influence, authority, public opinion. For the voice of the Christian conscience remains a spiritual power even in our days. If at a certain time it was

possible (even for the best representatives of that time) to clothe faith in steel armour, to ask for protection by the sword of state powers, — it has now become impossible for the Christian consciousness. Religious persecution is now the tool of the open enemies of Christianity, who attack the Christian faith by murders, imprisonments, destruction of churches, requisition of property, by legal, physical, and economic terror. For since the beginning of the world Satan was a slayer of men. But, alas, when he takes the image of an angel, and does his work in the name of faith. In trampling down Christian, brotherly love and charity, do we not offer a much finer and more poisonous temptation, do we not preach godlessness more efficiently than does the open, crude persecution of the name of Christ, powerless through its own spiritual poverty? At the time when Christ is openly flagellated and mocked on the Russian Golgotha, is it possible that in the midst of those who follow Him, there will be someone who, smiting Him from behind, will ask Him: «Prophecy, who ist it that smote thee?»

Professor Archpriest *Dr. S. Bulgakoff*
(Member of the Continuation Committee
of the Lausanne Conference).

Два міра.

«Савль, Савль, что ты гонишь Меня?...
Трудно тебѣ идти противъ рожна».
Дѣян. Ап. IX. 4-5.

Сейчасъ уже совершенно ясно, что гонение на вѣру и церковь въ Россіи не мо-

жетъ быть объяснено политическими причинами. Заявленія, сдѣланныя въ свое время святѣйшимъ патриархомъ Тихономъ о невмѣшательствѣ Церкви въ политику и позднѣйшія заявленія митрополита Сергія о лояльномъ отношеніи

Церкви къ совѣтской власти и о ея разрывѣ съ политическими группами, въ искренности которыхъ нѣтъ никакого сомнѣнія, отняли у большевиковъ всякое основаніе обвинять Церковь въ политическихъ интригахъ, въ желаніи произвести въ Россіи политическую и социальную контръ-революцію. Какъ бы мы ни относились къ заявленіямъ святѣйшаго патріарха Тихона и митрополита Сергія, будемъ ли мы оправдывать ихъ, или осуждать, ясно одно, что этими заявленіями вопросъ о взаимоотношеніи Церкви и совѣтской власти въ Россіи совершенно снятъ съ политической почвы. Хорошо ли это, или худо, Церковь предстала теперь передъ государственною властью совершенно чистою отъ всякой политической окраски. И если, несмотря на это, Церковь продолжаетъ подвергаться гоненіямъ, и эти гоненія все болѣе и болѣе усиливаются, если слышатся угрозы совершеннаго уничтоженія религіи и закрытія всѣхъ храмовъ въ предѣлахъ совѣтской Россіи, то это теперь можетъ быть объяснено только тѣмъ, что Церковь по самому существу своему, по своей религіозной природѣ, **невыносима** для совѣтской власти и **несовмѣстима** съ совѣтскимъ социалистическимъ государствомъ. Причина гоненія заключается не въ различіи политическихъ и социальныхъ воззрѣній, а гораздо глубже — въ различіи и непримиримости самихъ природъ матеріалистическаго и атеистическаго государства и христіанской Церкви и всѣхъ, вытекающихъ изъ этихъ природъ нравственныхъ и бытовыхъ особенностей.

Церковь дошла до предѣла уступчивости государству. Но государство этимъ не удовлетворено. Оно жаждетъ совершеннаго уничтоженія Церкви. Происходитъ столкновеніе двухъ міровъ, двухъ міроощущеній, двухъ міросозерцаній.

Идетъ борьба между религіей и безбожіемъ, между христіанствомъ и антихристіанствомъ. Можетъ быть, это еще и не то, что предсказано въ Апокалипсисѣ, не начало послѣдней окончательной борьбы Антихриста со Христомъ, но, несомнѣнно, это ступень къ тому, это первое и **открытое** жестокое наступленіе предтечь Антихриста на Церковь Христову. Таковъ ужасный и потрясающій смыслъ происходящихъ въ Россіи событій.

Настоящее положеніе Церкви въ Россіи похоже на положеніе первенствующей Церкви въ языческомъ государствѣ. И тогда Церковь стояла передъ государствомъ свободная отъ всякой политической окраски. Она знала только Христа, Распятаго и Воскресшаго. И тогда государство стремилось уничтожить Церковь не потому, что Церковь хотѣла изменить политическій строй государства, или замѣнить одного императора другимъ. Церковь никогда не имѣла подобныхъ притязаній. Государство преслѣдовало Церковь потому, что самая вѣрованія Церкви признавались опасными для единства и прочности языческаго государства. Тогда тоже шла борьба двухъ міровоззрѣній. Но тогда оба міровоззрѣнія имѣли религіозный характеръ. Языческое суевѣріе столкнулось съ Божественной истиной христіанства и было побѣждено ею, несмотря на всю внѣшнюю мощь языческаго государства и на всю жестокость и безпощадность трехвѣковыхъ кровавыхъ гоненій. Въ настоящее время христіанская истина столкнулась съ современнымъ ожесточеннымъ матеріализмомъ и безбожіемъ, вооруженнымъ всею внѣшнею мощью современнаго государства и современной культуры, но и этотъ новый врагъ не одолѣетъ Церкви, какъ не одолѣлъ ея и прежній. Если бы совѣтская власть была достаточно знакома съ исторіей первыхъ вѣковъ христіанства,

съ результатами гоненій Нерона, Марка Аврелія, Декія, Діоклитіана и Юліана Отступника, то, можетъ быть, она задумалась бы о цѣлесообразности своей борьбы съ Церковью. Но ненависть и гордость ослѣпляютъ разумъ. И опытъ первыхъ вѣковъ христіанства остается безполезнымъ для большевиковъ. Церковь Христова стоитъ на несокрушимомъ основаніи. Обѣтованія Божіи непоколебимы. Голосъ, нѣкогда слышанный гонителемъ Савломъ: «Я — Исусъ, котораго ты гонишь; трудно тебѣ идти противъ рожна» — этотъ голосъ и въ наши дни не потерялъ своей предостерегающей силы. И современные христіане въ Россіи могутъ сказать своимъ гонителямъ тѣ же самыя слова, какія Св. Іустинъ, философъ и мученикъ, говорилъ во второмъ вѣкѣ римскимъ императорамъ: «Вы можете насъ убить, но вреда сдѣлать намъ вы не можете».

Итакъ, въ Россіи происходитъ сейчасъ въ чистомъ, безпримѣсномъ видѣ ожесточенная, беспощадная борьба безбожія съ вѣрою, антихристіанства съ христіанствомъ. Какой же отвѣтъ находить этотъ ожесточенный натискъ безбожія на вѣру въ русскомъ православномъ народѣ? Насколько мы можемъ судить по доходящимъ до насъ свѣдѣніямъ, — онъ не встрѣчаетъ въ Россіи широкаго и одушевленнаго всенароднаго протеста. Въ Россіи есть жертвы гоненій, но нѣтъ, какъ будто, открытаго и рѣшительнаго противодѣйствія этимъ гоненіямъ. Кромѣ посланія Святѣйшаго патріарха Тихона, обращеннаго имъ къ большевикамъ въ первую годовщину совѣтской власти, мы не знаемъ другихъ открытыхъ и прямыхъ обличеній дѣйствій совѣтской власти противъ религіи. Въ Россіи есть тысячи и десятки тысячъ исповѣдниковъ православной вѣры, священнослужителей и мірянъ, томящихся въ тюрьмахъ и въ ссылкѣ,

претерпѣвшихъ мученическую смерть за вѣру и Церковь. Мы знаемъ и благоговѣнно почитаемъ память великихъ страдальцевъ: Святѣйшаго патріарха Тихона, священномучениковъ — митрополитовъ Веніамина и Владиміра и иже съ ними; мы знаемъ также, что въ народѣ существуетъ ропоть и недовольство, но все это не выливается въ широкое, всенародное, одушевленное движеніе въ защиту вѣры и Церкви.

И это безмолвіе народа вызываетъ у многихъ, особенно у иностранцевъ, чувство горестнаго недоумѣнія: какъ это великій народъ, столь прославленный своимъ благочестіемъ, народъ-богоносецъ, какъ онъ терпитъ болѣе десяти лѣтъ грубое кощунственное издѣвательство безбожниковъ надъ православною вѣрою, надъ святыми угодниками, надъ храмами и монастырями, надъ всѣмъ тѣмъ, чѣмъ духовно жила и была крѣпка святая православная Русь, — и не протестуетъ? Это молчаніе русскаго народа не можетъ быть объяснено только жестокостью совѣтской власти, не допускающей противодѣйствія, или забитостью и неспособностью русскаго народа отстаивать свою вѣру, свою святыню. Тотъ же самый русскій народъ въ XVII вѣкѣ за измѣненіе одной буквы церковныхъ книгъ не боялся обличать Московскаго патріарха и весь церковный соборъ, не повиновался царю, готовъ былъ идти въ ссылку и на костеръ, бѣжалъ въ лѣса и пустыни отъ ненавистной антихристовой власти, устраивалъ вооруженное соловецкое сидѣнье и московскіе бунты и сумѣлъ, несмотря на гоненія и притѣсненія, отстоять и сохранить для нѣсколькихъ милліоновъ старообрядцевъ старыя книги и обряды. Тогда русскіе люди, очевидно, знали, чего они хотятъ и за что борются. Въ томъ же XVII вѣкѣ малороссійскіе казаки сумѣли защитить православную вѣру и

Церковь отъ униатскаго и польскаго насилія, не остановившись и передъ вооруженнымъ сопротивленіемъ.

Очевидно, въ русскомъ народѣ нѣтъ недостатка въ рѣшимости и готовности отстаивать и защищать то, что онъ считаетъ своею святынею, но только тогда, когда въ душѣ у него нѣтъ раздвоенія, нѣтъ неясности, когда онъ отчетливо видитъ истину, и когда эта истина ничѣмъ для него не затемнена. Вотъ этой то ясности и отчетливости сейчасъ, повидимому, и нѣтъ въ душѣ русскаго народа. Сейчасъ русскій народъ въ чрезвычайныхъ страданіяхъ и исканіяхъ вынашиваетъ свой истинный жизненный путь. Въ душѣ народа сейчасъ нѣтъ той цѣльности, той простоты, какая была въ ней не только 250, но и 50 лѣтъ тому назадъ. Минувшіе годы и особенно послѣдніе пятнадцать лѣтъ міровой и гражданской войны и революція со всѣми ея ужасами и преступленіями, со всѣми новыми стремительно нахлынувшими взглядами, ученіями, отношеніями — все это глубоко всколыхнуло, потрясло, ошеломило и запутало народную душу. Народъ еще не пришелъ въ себя, не переработалъ еще въ себѣ всѣхъ воспринятыхъ имъ впечатлѣній и переживаній, не нашелъ еще для себя точки опоры, и много лѣтъ, можетъ быть, еще пройдетъ, прежде чѣмъ онъ, переживъ и искупивъ все совершившееся въ эти 15 лѣтъ, обрѣтетъ внутренній миръ, снова утвердится во Христѣ, найдетъ ясное, опредѣленное отношеніе къ своимъ святынямъ и почувствуетъ силу и рѣшимость выступить на защиту этихъ святынь. Нельзя не считаться съ пережитыми годами и подходить къ народной душѣ такъ, какъ будто ничего за это время не произошло. Произошелъ, и не могъ не произойти огромный сдвигъ въ народной душѣ. Не надо спѣшить со своими приговорами и заключеніями. Надо

дать время народной душѣ устояться и осознать себя снова.

Тѣ гоненія, какимъ сейчасъ подвергается вѣра въ Россіи, конечно, не пройдутъ безслѣдно въ народной душѣ. По слову Евангелія, нѣкоторые претѣкаютъ объ этотъ камень, а другіе утверждаютъ. Гоненія и издѣвательства надъ вѣрою возстанавливаютъ и укрѣпляютъ въ народной душѣ союзъ со Христомъ. Соблазненныхъ безбожіемъ сравнительно небольшое число, а большинство въ молчаніи раститъ въ себѣ вѣру. Въ народной душѣ сейчасъ происходитъ тотъ же процессъ, какой происходилъ и въ душѣ первыхъ христіанъ во время трехвѣковыхъ гоненій. Вѣдь, и первые христіане почти не проявляли внѣшняго протеста противъ гоненій на вѣру. Но эти гоненія выращивали въ ихъ сердцахъ и углубляли внутреннюю, пламенную вѣрность Христу. Этотъ ростъ внутренней вѣрности Христу и былъ отвѣтомъ первыхъ христіанъ на издѣвательство и преслѣдованія язычниковъ. Чѣмъ больше язычники гнали христіанъ, тѣмъ чище и ярче становилась ихъ вѣра, тѣмъ больше Христосъ становился средоточіемъ жизни христіанъ. Онъ становился ихъ жизненною опорою, ихъ радостью, утѣшеніемъ, судьбою и руководителемъ ихъ совѣсти. Онъ помогалъ имъ преодолевать соблазны и искушенія. И отъ этого внутренняго союза со Христомъ христіане становились внутренне сильными и непобѣдимыми. И этою своею внутреннею силою они преодолевали и покоряли языческой міръ.

Сейчасъ русскій народъ переживаетъ одинъ изъ самыхъ рѣшающихъ моментовъ русской исторіи. Вопросъ идетъ о томъ, останется ли русскій народъ со Христомъ, или потеряетъ Его. Это коренной вопросъ нашего времени. Всѣ остальные вопросы жизни, политическіе, социальныя и др. меркнутъ передъ этимъ воп-

росомъ. Если русскій народъ останется со Христомъ, все остальное приложится ему. Если онъ потеряетъ Христа, онъ ничѣмъ другимъ не восполнитъ этой утраты — никакими политическими и социальными благоустройствами. Вопросъ о Христѣ не есть только вопросъ русскаго будущаго — это вопросъ будущаго всего человѣчества, ибо теперь уже несомнѣнно, что русскій народъ стоитъ въ центрѣ духовной жизни всего человѣчества. Отъ того, куда пойдетъ русскій народъ, зависитъ направление жизни всего человѣчества. Будущее русскаго народа таинственно. Куда повернется его сердце — не видно. Сейчас онъ находится въ состояніи внутренней борьбы. Въ страшныхъ мукахъ онъ рождаетъ свое новое будущее. И это будущее можетъ быть и христіанскимъ и антихристіанскимъ. Въ немъ можетъ открыться и тысячелѣтнее царство Христово и царство Антихриста.

Русская эмиграція и, въ частности, наше Русское Студенческое Христіанское Движеніе являются частью русскаго народа. Они должны вмѣстѣ съ русскимъ народомъ и страдать и бороться. Вмѣстѣ съ нимъ, и помогая ему, они должны вынашивать въ сердцѣ своемъ Христа и возрастать во Христѣ. Какія бы мы здѣсь ни устраивали организации, какія бы ни говорили красивыя и пламенные рѣчи — все это ничто, если Господь Иисусъ Христосъ не будетъ дѣйствительнымъ средоточіемъ нашей жизни: Русскій народъ борется за свою душу. И мы тоже должны бороться за свою душу, за то, чтобы Христосъ сталъ всѣмъ въ нашей жизни. Эти слова надо понимать во всей полнотѣ ихъ значенія. Обыкновенно мы понимаемъ ихъ слишкомъ поверхностно. Быть со Христомъ — это не значитъ сдѣлать изъ христіанства нѣкоторый духовный придатокъ, духовное украшеніе нашей повседневной жизни. Нужно, чтобы Хри-

стосъ взволновалъ нашу душу. Пусть отъ этого мы потеряемъ покой, пусть это будетъ связано для насъ съ неудобствами, а, можетъ быть, даже и со страданіями. Мы должны рѣшиться и на это. Нельзя служить Христу только до тѣхъ поръ, пока это не нарушаетъ нашего покоя. Христіанство есть крестъ. «Кто Мнѣ служить, Мнѣ да послѣдуетъ». Христосъ не мирится съ раздвоеніемъ. «Не можете служить Богу и мамонѣ».

«Кто не собираетъ со Мною, тотъ расточаетъ». Христосъ не только милостивъ, но и требователенъ.

Борьба съ безбожіемъ и антихристіанствомъ и преодоленіе ихъ неразрывно связаны съ нашимъ собственнымъ возрастаніемъ во Христѣ. Энергіи безбожія необходимо противопоставить энергію вѣры. Одними внѣшними мѣрами нельзя преодолѣть безбожія. Путемъ внутренняго возрастанія во Христѣ, пламенной ревностью о Христѣ, проявляемою и внѣшними дѣлами вѣры и любви, древніе христіане преодолѣли язычество. Этимъ только путемъ и русскій народъ можетъ преодолѣть русское безбожіе. И онъ уже идетъ по этому пути, ибо уже доходятъ до насъ извѣстія о возрастающей силѣ христіанскаго одушевленія въ разныхъ уголкахъ Россіи.

Пусть же этотъ огонь христіанскаго одушевленія разгарается и здѣсь, за рубежомъ, въ русской эмиграціи и въ Русскомъ Студенческомъ Христіанскомъ Движеніи.

Протоіерей Сергій Четвериковъ.

1930. 14 (27) I.

Парижъ.

Р. С. Уже заканчивая свою статью, я увидѣлъ, что различіе между двумя мірами, борющимися въ Россіи, антихристіанскимъ и христіанскимъ не исчерпывается

только областью вѣры. Другое, не менѣе глубокое и не менѣе существенное различіе заключается въ томъ, что одинъ міръ есть міръ ненависти и разрушенія, а другой міръ есть міръ любви и созиданія. Таково, по крайней мѣрѣ, исповѣда-

ніе того и другого міра. Но это различіе настолько значительно и настолько существенно, что о немъ нельзя говорить кратко, и ему необходимо посвятить особую статью.

С. Ч.

Философія или апологетика.

Тотъ подходъ къ проблемѣ соотношенія религіи и науки, который не только господствуетъ въ нашемъ Берлинскомъ религіозно-философскомъ кружкѣ, но и является какъ бы официальной движенческой доктриной, характеризуется двумя чертами. Первою изъ этихъ можно назвать апологетической предустановленностью этого подхода. Вторая состоитъ въ томъ, что соотношеніе это мы стремимся мыслить въ идиллическихъ краскахъ **внутренняго** благополучія всей проблемы, благополучія нарушаемаго только извнѣ враждебными христіанству силами, какими-то не то злонамѣренными, не то научно и религіозно невѣжественными людьми, предпринявшими походъ противъ религіи, вооружившись средствами науки, для этого дѣла непригодными.

Совершенно ясно, что первая черта въ значительной степени опредѣляетъ собой вторую, которая является лишь послѣдовательнымъ, логичнымъ завершеніемъ апологетической устремленности нашей движенческой мысли. Ставъ на точку зрѣнія абсолютной истинности религіи, — нашего православнаго христіанства, — на точку зрѣнія неизбежную для вѣрующаго человѣка, — ибо всякая вѣра, всякое религіозное переживание отличается абсолютностью своихъ запросовъ, — можно только либо отвергать науку, поскольку ея положенія противорѣчатъ исти-

намъ вѣры, либо утверждать, что противорѣчій этихъ нѣтъ, что они всего лишь основанная на недоразумѣніи видимость.

Ясно также, почему Движеніе весьма опредѣленно избрало вторую возможность. Это произошло и происходитъ не столько даже вслѣдствіе присущей Движенію тенденціи замалчивать острые вопросы (черта, на которую не безъ основанія указывалъ Н. А. Бердяевъ въ июльскомъ номерѣ «Вѣстника»), сколько потому, что избраніе первой возможности лишило бы Движеніе всякой «*raison d'être*». Вѣдь, признать, что противорѣчія между религіей и наукой есть, а выхода изъ нихъ нѣтъ, потому что мы все же не можемъ отвергать науку во имя религіи, значило бы никуда не двигаться и никуда не вести ту самую молодежь, для которой Движеніе создано и существуетъ.

Но разъ избравъ этотъ второй путь, Движеніе не склонно углублять проблему, провозгласивъ возможности дружескаго симбіоза религіи и науки; оно скорѣй готово почитать на лаврахъ этого официальнаго движенческаго благополучія, чѣмъ сомнѣваться и искать.

Въ этомъ отношеніи очень характерна судьба замѣчательной попытки проф. С. Л. Франка*) указать выходъ изъ тупика.

*) «Религія и наука въ современномъ сознаніи». «Путь» за 1926 г.